
ПОЧЕМУ МИР ЛОГИЧНО НЕЛОГИЧЕН: ВЕРСИЯ ПРОИСХОДЯЩЕГО*

Говорухин Г. Э., Ким В. В.**

Статья посвящена анализу современных процессов, происходящих в глобальном мире, вызывающих у наблюдателей и экспертов множество вопросов своей нелогичностью. Авторы предпринимают попытку исследовать границы деформации общего дома и глобального мира, рассмотреть появляющееся новое в процессе деформации. Общий дом появился в 1990-е гг. как единое демократическое пространство, основанное на принципе равенства всех для всех. Мир, который казался строго логичным и понятным, перестает быть таковым не только в силу внешних факторов, но и из-за нарушения внутренней логики. Последние повлекли за собой разрушение единого политического, социального пространства. Пространство юридической логики стало противопоставляться пространству здравого смысла, на смену устойчивой логике капитализма пришла иная логика, иные конвенции, вокруг которых выстраиваются сегодняшние международные процессы. На первый план выходят не деньги, прибыль и рост капитала, а принятые общие правила, договоренности, выстраивающие новую реальность.

Ключевые слова: *Общий дом, глобальный мир, юридическая логика, нормативная логика, логика здравого смысла, демократия, образ пространства, социальное пространство.*

WHY THE WORLD IS LOGICALLY ILLOGICAL: CURRENT EVENTS VERSION

The article is devoted to the analysis of modern processes taking place in the global world, which cause a lot of questions by their illogicality for the observers and experts. The authors attempt to explore the boundaries of deformation of the Common House and the global world, to consider the emerging new in the process of deformation. The Common House appeared in the 1990s as a single democratic

* **Для цитирования:** Говорухин Г. Э., Ким В. В. Почему мир логично нелогичен: версия происходящего // Век глобализации. 2024. № 2. С. 20–33. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.02.

For citation: Govorukhin G. E., Kim V. V. Why the World is Logically Illogical: Current Events Version // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 2. Pp. 20–33. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.02 (in Russian).

** Говорухин Григорий Эдуардович – д. соц. н., к. филос. н., доцент, профессор кафедры истории и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета. E-mail: govorukhin@mail.ru.

Grigory E. Govorukhin – Dr. Sci., Ph.D., Assistant Professor, Professor of the Department of History and Culturology at Komsomolsk-na-Amure State University.

Ким Виктория Валентиновна – к. филос. н., доцент кафедры философии естественных факультетов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: vkv-viktory@mail.ru.

Viktoriya V. Kim – Ph.D., Associate Professor of Department of Philosophy of Science Faculties at Lomonosov Moscow State University.

Век глобализации 2/2024 20–33

DOI: 10.30884/vglob/2024.02.02

space based on the principle of equality for all. The world that seemed strictly logical and understandable ceases to be so, not only due to external factors, but also due to violation of internal logic. The latter led to the destruction of a single political and social space. The space of legal logic began to be opposed to the space of common sense, and the stable logic of capitalism was replaced by another logic, other conventions, around which today's international processes are built. Not money, profit and capital growth come to the fore, but the accepted general rules and agreements that build a new reality.

Keywords: *Common House, global world, juridical logics, normative logics, logics of common sense, democracy, space image, social space.*

Мир меняется, и это очевидно каждому, кто может сравнивать и сопоставлять факты прошлого и настоящего. Причем меняется он во всей своей совокупности социальных, экономических, политических процессов, под влиянием техногенного развития. Эти изменения естественны, поскольку свойственны человеческой цивилизации, но то, что мы видим сегодня, вызвано трансформацией самой логики человеческого мира, а это бывает не часто в истории человечества.

Однополярный мир, который сформировался в 1990-е гг., представлял собой единство социально-экономического, политического и аксиоматического пространств, в границах которых он казался гомогенной системой [Денисов 1997], генерирующей цели и смыслы, объединяющие всех людей под флагом цивилизованности. Единство всех пространств позволяло говорить о единстве мира в политическом дискурсе пространства *Общего дома* (здесь и далее курсив наш. – Авт.) и демократических ценностей.

Амбициозные международные хозяйственные задачи: строительство международных магистралей по перекачке нефти и газа, совместное освоение космоса, внедрение зеленой экономики – потрясли своим глобализмом настолько, что уже в предвкушении размаха проектов «самые серьезные наши мыслители заключили, что не существует такого понятия, как История, – то есть осмысленного порядка в широком потоке событий, касающихся человечества» [Фукуяма 2015: 15]. Представлялось, что история исчезла как стройный ряд фактологических событий, меняющих человечество. Мир декларировался настолько единым, что, казалось, создается новое планетарное сообщество или сверхобщество [Яхьяев 2005]. Современный мир, который мы привыкли называть глобальным, уже представлялся миром без серьезных противоречий, потому что не было раздражителей, не было противопоставлений мировой демократии, которая вот-вот, казалось, победит на всей Земле. Это мир воплотившейся глобалистской утопии, мир единого экономического пространства, единой логистики, единой финансовой системы. Параллельно с ним происходило формирование *Общего дома*, в котором утверждались правила, облеченные в юридические законы. Они становились руководством к действию и ценностью для жителей *Общего дома*: США, Канады, Австралии, ЕС и др., мерилom в отношениях с гражданами и государствами за его пределами. Процессы, которые мы наблюдаем сегодня, связаны с взаимоотношениями между такими субъектами, как глобальный мир и *Общий дом*.

Границы названных миров размыты и подвижны, не зафиксированы и не понятны с точки зрения логики. Появившийся после распада биполярной международной системы глобальный мир – мир победившей демократии и капитализма –

стал группироваться на основе разных интересов (БРИКС, «Большая семерка», «Большая двадцатка» и т. д.), которые на первых порах системно не противоречили интересам других групп. Сегментирование в рамках глобального мира происходило по разным причинам, с различными целями, возникающие международные организации прописывались в нормативных актах, в которых проговаривались ценностные ориентиры. В глобальном мире стал формироваться *Общий дом* как единое пространство, выгодное для всех. Казалось, что *Общий дом* может вместить всех желающих, но с течением времени в нем стала происходить артикуляция внутренних смыслов и гибель идеальной утопической модели, которую мы проживаем сегодня. Система *Общего дома* стала детерминироваться апофатически, через отрицание всего, не соотносящегося с его сущностью, что не укладывается в логику юридических правил и демократических ценностей.

Частью такого отрицания стала и наша страна. Россия пришла в *Общий дом*, когда основные принципы и постулаты этого дома уже имели понятные контуры. Поэтому от нее никто не ждал рефлексии над уже сложившимся. Более того, Россия не заслужила право на эту рефлексию, поскольку не принимала участия в строительстве данной логично нелогичной системы. Мы случайно вошли в *Общий дом*, однако в процессе сосуществования оказалось, что между нами есть неразрешимые противоречия, что и стало причиной выхода из *Общего дома*. Поскольку у нашей страны и других государств возникающие к этому институту вопросы не находят ответа, то происходит разрушение юридической конвенциональности. Мы оказываемся чужеродными – ведь общественное сознание *Общего дома* законопослушно, нас рассматривают сквозь призму юридической логики, в которой оказывается, что мы не соблюдаем их законы. В соответствии с юридической логикой любое новое политическое образование, входящее в единое пространство, должно было безапелляционно принять законы системы. Осмысление этих законов в логике фаллибилизма в системе, которая работала и, кажется, до сих пор работает исправно, безусловно, понималось как деструктивное. Поэтому, с точки зрения обывателя *Общего дома*, мы не можем претендовать на звание его жителя, на право быть равным им, так как остальная часть глобального мира – варвары и вандалы.

Мир оказался нелогичен в силу того, что основные принципы *Общего дома* артикулируются в границах юридической логики. Юридические законы *Общего дома* продолжают в нем функционировать, но они не актуальны за его пределами. Сегодня этот мир уже отживает. И дело не в том, что нашей страны нет в *Общем доме*. Он начал рушиться изнутри. *Общий дом* просуществовал чуть более двадцати лет и, похоже, уходит навсегда. Те процессы, которые активно протекают в объективной реальности геополитического пространства уже на протяжении последнего десятилетия, демонстрируют гибель *Общего дома*. Прошлый мир уносит с собой многое, в том числе экономику, политику и, конечно же, логику *Общего дома*. Мы живем на границе новой реальности, очертания которой пока еще слабо отражаются в объективной реальности сегодняшнего дня. В ней можно видеть нелогичность процессов в международной повестке, показывающей старение прошлой системы. Но указывает ли эта нелогичность лишь на идеологические разногласия в трактовке действий акторов или все-таки на деформацию всей социальной реальности? В последней можно наблюдать «странность» и даже не-

адекватность действий больших политических систем, таких как государства, с точки зрения логики жанра современной экономической модели. Однако причины и следствия таких действий совсем не ясны.

В современном глобальном мире можно наблюдать формирование новой реальности, в основе которой находятся осколки прежнего мира. В этой статье мы хотим проанализировать границы слома самой логики в конструкции *Общего дома*, или, говоря более нейтрально, деформации *Общего дома* и глобального мира, а также попытаться увидеть зарождающееся *новое* на стыках деформации.

Деструкция исходила не только от России, но и от многих других государств, для которых формальная логика реального выживания собственного государства была в приоритете. Чтобы не быть голословными, отметим, например, Великобританию и США. Оба государства были локомотивами *Общего дома*, а потому считали возможным изменение его геометрии. Но самое важное было то, что именно эти государства первыми стали понимать трудность экономической верификации созданной конструкции. Как следствие, история с *Brexit* и агрессивная международная политика обоих государств становятся возможным вариантом сохранения себя без слома *Общего дома*. Безусловными приверженцами существования *Общего дома* были и остаются бесчисленные бюрократические надгосударственные организации, для которых национальные интересы государств абсолютно не важны просто потому, что они-то как раз интегрированы в виртуальное единое пространство *Общего дома* и для них другого пространства не существует. В этом смысле с уверенностью можно говорить о заложенном в логику идеи *Общего дома* противоречия между национальными интересами и общими. Именно это, как раковая опухоль, начинает уничтожать организм *Общего дома*, а вместе с ним и систему глобализма. Под глобализмом мы будем понимать процесс втягивания всех политических институтов в общее мировое пространство экономики, а под *Общим домом* – юридически определенное демократическое пространство. В таком ракурсе глобальный мир выглядит как мир вооруженного давления, жесткого диктата, санкций, где значительную власть и влияние имеют институты *Общего дома*.

В созданном *Общем доме* государство в подлинном смысле выполняло роль ночного сторожа. Оно было призвано, по выражению И. Валлерстайна, «отпугивать незваных гостей, вознамерившихся что-нибудь украсть» [Валлерстайн 2004: 87]. Функция сторожа у современного «цивилизованного государства» оказалась главной, если не единственной. Все остальные функции, в том числе защиты собственных границ и ведения войн ради национальных интересов, должны осуществляться международными организациями и, как уточнял М. Манн, «проводиться во главе с Соединенными Штатами» [Манн 2014: 40]. В *Общем доме* институт государства видоизменился, пройдя процедуру политической стерилизации, и превратился из самодостаточной политической системы еще середины XX в. в часть коллегиального органа различных международных структур. Гражданин такого государства отказался от своей национальности и территориальности, но превратился в гражданина *Общего дома*.

В едином мире ценностей и единых правил формировалось, или сформировалось, общественное мнение о безопасности *Общего дома*. Вне дома в глобальном мире, конечно, были отдельные государства, которые не хотели принимать демо-

кратические ценности цивилизованного мира. Но с этими государствами должны были справиться те, кому положено это делать. Думать о том, во имя чего это делалось, не было необходимости, так же как не было необходимости думать о самозащите на улицах городов. Принцип «дэскалации конфронтации» устанавливал и до сих пор устанавливает право на насилие, которое распространяется на отдельные профессиональные группы [Законна... 2022]. Всем остальным законопослушным гражданам мира это не нужно.

В *Общем доме* национальные интересы и национальные квоты на использование ресурсов хоть и не были стерты до конца, но точно были поделены в соответствии с общим принципом демократической справедливости [Блок 2022; Левчук 2022], общей логикой демократических ценностей. Декларативность ценности человеческой жизни во всех ее нетрадиционных проявлениях утверждала, что хозяином в *Общем доме* является человек, а не большие политические институты и корпорации. Пребывание в таком *Общем доме* стало благом для человека, допущенного жить в нем. Это благо дано самим правом рождения человека и соблюдением им законов общежития. При этом такой мир, конечно, усложнялся, и его сложность состояла не только в наличии техногенных процессов, но и в попытке организовать социальное пространство на условиях равноправия.

Общий дом мог позволить себе быть таким, поскольку ощущение коллективного владения всем, что предоставляла планета Земля, от ресурсов до территорий, давало чувство полного удовлетворения и достатка. Все это подтверждалось единой «правильной» историей. В такой истории не важны национальные интерпретации событий, не важно, в сущности, кто конкретно победил в какой войне. Главное, что это было сделано.

Собственно построение *Общего дома* в том виде, в котором мы его еще можем застать, начинается с аутопозизиса реальности его коллективного проговаривания. *Общий дом* формируется как часть человеческой культуры, рамки которой определяются общедемократическим соответствием всех жильцов единым правилам общежития. Принцип демократизма стоит в основании проекта *Общего дома* и становится фундаментом новой логики общих отношений. Демократия – это прежде всего «умение договариваться» [Сергеев 2022], а это значит, что необходимо создать границы договоренностей. Это прописанные правила поведения, строгий учет за соблюдением правил и система наказаний в случае их нарушений. На помощь приходят многочисленные философские, юридические и политические конструкции демократии, которые содержали в себе смысл приверженности большинству. Здесь показательно, что это было некое абсолютное количественное большинство людей, почему-то принимающих определенную точку зрения. В этом не было привязки к мнению отдельных национальных групп и вероисповеданий. *Общий дом* – это место для большинства в том смысле, что важно не рефлексировать над нюансами, важно двигаться в тренде современных трактовок. Нормотворчество должно было учитывать свободу каждого человека. Собственно, это главное завоевание демократии – равноправие людей [Валлерстайн 2004: 368]. Вокруг этого завоевания, согласно логике старого мира, начинается социальное и техническое строительство единого пространства *Общего дома*, в ко-

тором демократия и юридическая логика успешно совпали и стали взаимодействовать.

Идея равных возможностей и прав на собственное мнение и принятие решения становится признаком доверия системы к каждому субъекту в выстраиваемом *Общем доме*. Как об этом писал И. Валлерстайн, «демократия определенно предлагает настроенное отношение к экспертам и специалистам, сомнения в их объективности, бескорыстии и гражданских чувствах» [Валлерстайн 2004: 132]. Такое понимание применения своих сил открывает возможности для существования мнения, которое не только может, но и обязательно должно быть распространено. Современная цивилизация, стоящая на фундаменте *Общего дома*, начинает развивать технологии массовой коммуникации. В этом смысле появление Интернета, социальных сетей и мобильной связи – это технологический отклик на политическую идею о привилегии жителя *Общего дома* на высказывание своего мнения. Возможно, при другой идеологии такое коммуницирование было бы меньше развито, но для строившейся цивилизации 1990-х гг. это было важнейшим достижением, исходящим из самой природы демократии. Для нас важно отметить, что это именно высказывание, а не обсуждение.

Развитие социальных сетей максимально соответствует позиции современной демократии, а потому массовая некомпетентность, имеющая право на свою точку зрения, становится обязательным условием признания демократического существования всех граждан *Общего дома*. Иметь свою точку зрения, как и иметь право ее высказать, есть подтверждение демократических завоеваний *Общего дома*. При этом современная аксиоматика *Общего дома* должна быть вложена во фрейм социального контроля, осуществляемого юриспруденцией. Сила юридического закона и юридической логики вытесняет логику формальную, которая так и осталась достоянием экспертов.

Знание законов, как и натаскивание на решение оперативных задач, становится важной чертой управленческой логики в *Общем доме*. Огромное количество управленческих систем менеджмента качества и ISO пришло в Россию в 1990-е гг. именно как способ оперативного и максимально простого варианта решения поставленной задачи через регламентацию деятельности. Основным тезисом всех этих систем состоял в описании всего многообразия социальных, политических, производственных и иных процессов для принятия простейшего решения по управлению.

Мир не стал нелогичным вдруг. Нелогичность стала видна лишь тогда, когда стали восстанавливаться интересы сначала больших политических систем вроде государств (например, России), а потом и обществ (что еще предстоит увидеть), требующих внимания к собственной идентичности. Отсутствие логики в политической системе периода победившей демократии 1990-х гг. стало заметно даже для жильцов *Общего дома*, разделяющих общие коммунальные ценности [США... 2022]. Нелогичность старого мира оказывается результатом слома системы и, как следствие, трансформации всего современного мира с его спекулятивной, избыточной реальностью.

С точки зрения внешнего наблюдателя, оценивающего логику обывателей *Общего дома*, процессы, происходящие в нем, казались не только не имеющими логики, но и просто чужими. Такой наблюдатель, правда, воспринимался в цвето-

вом спектре различного фундаментализма – от философского до религиозного [Кудряшова 2013], но его мнение могло доходить до граждан цивилизованного мира через послания, транслируемые СМИ. Внутри *Общего дома* выводы и оценка внешнего наблюдателя тоже не отличались логичной стройностью, но его мнение неизбежно начинали слышать. Особенно если это мнение подкреплялось террористическими акциями [Карпов 2015; Алтунян 2020]. В глазах такого наблюдателя, хоть как-то выпадающего из стройного контекста общей логики, законы этой системы, действия людей и правительств казались и бессмысленными, и провокационными, и в этом нелогичными. Говорить о нелогичности социального мира странно, если не принимать во внимание жизненно важные условия существования мира. Например, в систему образования включаются бюрократические структуры контроля качества учебного процесса, которые дезавуируют цель учебного процесса. В здравоохранении внедряются нормы времени на пациента, которые вульгаризируют задачи врача. Прагматическая ценность и требование к верифицируемости всякого научного знания обесценивают теоретические вклады отдельных отраслей знаний и создают социальные хорроры, которые убивают жизнеспособные элементы человеческих отношений.

Нелогичность мира стала результатом понимания того, что происходит в социальной системе. Отсюда нелогичная поддержка (юридическая и информационная) социального меньшинства за счет большинства, что, по риторике Ж. Бодрийяра, формирует «целую мифологию террора и отлучения на основе все более расистского определения “нормального человека”» [Бодрийяр 2000: 233]. Другими словами, поддержка слабого (гендерно или физически) за счет сильного. Это увеличивало пока еще латентное культурное размежевание между теми, кто находился внутри и снаружи системы.

Утопическое желание угодить всем приводило к вовлечению в социальный универсум несвязанных, а зачастую и нелогичных процессов, которые юридически оказываются сильными, а вот логически – нелепыми. Здесь стоит сразу добавить, что все процессы логичны в границах определенных конкретных действий, но в рамках единой системы могут выступать как нечто чужеродное. В условиях «нормального» развития государства существование такой нелогичности может пониматься как необходимость сохранения социального равновесия в обществе и устранение лишних точек напряженности власти с гражданами *Общего дома*.

Распад *Общего дома* был подготовлен рядом масштабных процессов, которые стали, скорее, демонстрацией смертельной болезни мира, чем его детерминантами. Один из них начался в 2022 г., когда ломались не только логистические цепочки товарообмена и доверительные отношения между государствами, выстраиваемые чуть ли не с Вестфальского договора 1648 г., но и сами политические системы. На доверии в правильности построенной системы и строилась стабильность *Общего дома*. Это доверие стало разрушаться государствами, преследующими свои собственные интересы и заявившими о своей позиции быть первыми в системе глобального мира. США и Китай как ведущие экономики мира и так были первыми, но в мире финансового изобилия почувствовали дефицит ресурсов, рынков и территорий. Реальная мировая экономика перешла в новую фазу промышленного переустройства, а это породило давление политических гигантов друг на друга и привело к разрушению образа *Общего дома* и универсаль-

ной демократической политики его жильцов. Как следствие, политическое пространство начинает рефлексировать над происходящими изменениями. Специальная военная операция демонстрирует новый идеологический поворот в битве за демократические ценности. Все противоборствующие стороны сражаются за сохранение демократии и за право стать оплотом демократических ценностей. Это, конечно, демонстрирует значение демократии, но вместе с тем показывает смысловую размытость этого явления.

Мир 1990-х – начала 2000-х гг. представляет собой единую систему ценностей, которая строилась на прозрачности географических границ, предоставляющих свободное хождение товаров и денег в понятном для всех либерально-демократическом пространстве большинства стран мира. Вся эта система ценностей, товаров и идеологий выстраивалась в юридической логике современного мира. Правильную трактовку процессов в глобальном мире поддерживало единое сложно устроенное поле СМИ и социальных сетей, которое воспринималось как прозрачное в части доступности информации.

Все начинается с создания единой логики *Общего дома* и заканчивается логикой его разрушения (точнее, можно утверждать, что логика *Общего дома* потенциально содержала в себе логику его разрушения). Это и есть логика нормативно-регулирующих отношений. Вполне возможен вопрос: а какая логика еще может быть? В современном мире возможны формальная логика или логика здравого смысла, основанная на выживании системы. Однако такая логика в *Общем доме* не работает, принимается только юридическая. В свою очередь, юридическая логика, или логика закона, направлена на сдерживание пафоса социальных групп. В этом смысле вера в силу закона как неоспоримого факта существования человека в системе оказывается главным требованием к пребыванию в *Общем доме*. В современном мире действовала логика капиталистических отношений, оформившаяся после Вестфаля (все соглашения были направлены на сохранение репутаций, этой логике были подчинены действия, правила и рамки международных отношений). Логика старого мира – это логика деловых отношений, целеполаганий, когда была понятна цель – накопление капитала [Говорухин 2022: 87]. Эта логика существовала до 1990-х гг. и, конечно, не распространялась на советское государство. Разрушение началось, когда в действующую логику отношений и правил стали включать всех желающих.

Стройная логика нормативно прописанных правил поведения в пронумерованной объективной реальности являлась важным звеном в осмыслении мира *Общего дома*. Эта часть демократической составляющей становилась условием сохранения равновесия между членами общества и достигалась воспитанием. В условиях единства *Общего дома* и отсутствия внешних раздражителей юридическая логика вполне справляется с задачей поддержания статус-кво системы. Однако позже *Общий дом* начинают атаковать извне. Пришедшие из другой реальности беженцы/мигранты в десятые годы XXI в. приносят в «цивилизованный мир» сомнение в целесообразности и действенности законов. Юридическая логика начинает давать сбои, а формальной логики выживания в коммуникативном арсенале законопослушных обитателей *Дома* не оказалось. Это еще не распад основ *Общего дома*, но уже трещина в нем. Мифологическое герметичное единое пространство начинает подвергаться переосмыслению, а это уже становится на-

чалом конца всей системы, поскольку *Общий дом* держался только на конвенции о демократичности. Именно сама конвенция и начала давать трещину.

Проблема второго поколения мигрантов, считающих себя европейцами, показала, что они так и не стали своими, полноправными членами *Общего дома*, их возможности меньше, чем у других, что неизбежно приводило к вопросам о равенстве формальном и реальном. Увеличение числа мигрантов способствовало образованию диаспор, затрудняло интеграцию в европейское пространство и общество [Брюкнер 2009]. Э. Гидденс, например, писал, что развитие средств коммуникации в современном мире не порождало разрыв между мигрантами и родиной, «нередки случаи, когда иммигранты во втором поколении, никогда не покидавшие свою родину, приобретают радикальные политические взгляды, свойственные жителям страны или региона на другом конце мира» [Гидденс 2015: 136]. Мигранты и их потомки формально стали гражданами *Общего дома*, но не приняли общую систему договоренностей, не стали руководствоваться ею. Погромы, в которых принимали участие потомки иммигрантов в 2005–2006 (Франция), 2011 (Великобритания), 2013 (Швеция) гг., многочисленные террористические акты под лозунгами религиозного фундаментализма в разных городах Европейского континента говорят о том, что система *Общего дома* сбивает по отношению к прибывшим людям. В случае с Россией виден сбой по отношению к государству, которое стало понимать, что к нему относятся неоднозначно, что принятие формальных условий для вхождения в *Общий дом* не является поводом к фактическому размещению в нем.

Эта реальность по обе стороны смысловых руин *Общего дома* сохраняется в логике единства законности, о чем говорит А. Дынкин: «... в России происходит смена концептуальной парадигмы международных отношений: с модели Восток-Запад на модель Север-Юг» [Бисенич 2022]. «Великая Евразия» как проект пришла на смену концепции *Общего европейского дома*, и «на этой территории будут развиваться главные события будущего многополярного мира» [Там же]. Почему? Тот же А. Дынкин в качестве причины указывает то, о чем говорилось много раз и в разном контексте: пренебрежение к национальным интересам России [Там же]^{***}. В этом смысле сохранение национальной законности является условием строительства нового дома, а сам дом – это граница законности/беззаконности, которые должны давать защищенность гражданам России. Именно эти границы определяли образ современного географического пространства «старого мира» и «приземляли» современную экономику.

Трансформация логики начинает сказываться на пространстве *Общего дома*. В его основе находилось географическое пространство, осмысленное в образах массовой культуры как пространство демократическое, пространство единых законов и юридических правил, а также аксиологическое пространство толерантности. Это пространство, где меняются формулировки понятий «далеко»/«близко»: понятие «далеко» в этом пространстве значит оказаться за пределами своих знаний, не на своем месте и не в своей стихии, ожидая неприятностей и опасаясь худшего [Бауман 2004], «близко» – это место в пределах знакомой реальности.

^{***} Таких высказываний масса. Для краткости мы приводим только яркие высказывания политических и общественных деятелей по интересующему нас вопросу. Эти высказывания отражают поляризацию позиций и становятся обобщенным контентом полярности.

Именно это пространство делало прозрачными государственные границы и давало возможность свободного перемещения знания/информации и самого человека и, конечно же, товаров, денег и услуг. «Близко/далеко», в описании З. Баумана, представляют собой противоположности между ясностью и неясностью, колебаниями и уверенностью [Бауман 2004]. Интересно, что, когда в 2022 г. началось переосмысление, сразу же включились защитные механизмы. «Европа – это сад, мы создали этот сад... Все... работает, это лучшая комбинация политической свободы, экономической перспективы и социальной сплоченности... Остальной мир – это не совсем сад. Большая часть остального мира – это джунгли. А джунгли могут вторгнуться в сад» [Боррель... 2022]. Заявление Ж. Борреля имело отношение к «росту этого мира беззакония и беспорядка», к тому, что он имел в виду, говоря о «джунглях» [Там же]. Именно в джунглях, понимаемых с точки зрения Борреля, будет все «далеко». Это «далеко» вдруг возникло, потому что перестало быть понятным, то есть законным, нормативным.

Пространство, будь то географическое, мифологическое, социальное или политическое, просматривается в горизонте смыслов наблюдателя. Наблюдатель отмечает реальность, которая вписывается в его смысловую узус, что приводит к отличию взгляда на территорию геодезиста и артиллериста. Безусловно, универсального, онтологически объективного понимания пространства не существовало, и, наверное, его даже трудно себе представить. Объективность взгляду придает множественность мнений, идущих, конечно, через СМИ и социальные сети. Создается иллюзия энтропийности информации, восприятие которой, естественно, связано с горизонтом ожидания наблюдателя и автоматической / машинной ее сетевой фильтрацией.

Медийный образ пространства *Общего дома* отличается от реалий географического, политического или социального пространства, но становится важным фактором принятия решения с точки зрения политического истеблишмента и обывателя.

В сформированном образе пространства присутствует «ключевая проблема возникающего на наших глазах виртуального, или образного пространства – это позиционирование, размещение в нем мировой сверхдержавы – США» [Замятин 2006: 237]. Этот образ глобального пространства, предложенный массовому зрителю, расходится не только с географическим контекстом, но и с политико-экономической оценкой пространства профессиональными национальными элитами. При этом в условиях массовой медийности оно оказывается более реальным, чем сама территория, наполненная географическими объектами. Образ современного пространства глобального мира максимально соответствовал мифу об *Общем доме*. Понимание того, что происходит в *Доме*, связано с событиями нормы и узнаваемости происходящего. Участников этого Дома всегда объединяла общая оценка естественности хода событий, которые разворачивались не в объективной реальности, а в границах мифологической темпоральности. Важно понять, что здесь не было жесткого управления массами для создания правильной точки зрения. Все это достигалось легализацией контента «предъявления убедительных знаков надежности», как это называл Ж. Бодрийяр [Бодрийяр 2000: 186]. В итоге смысл *Общего дома* становится меньше в рамках географического пространства, и важно сигнифицировать его контуры. Показать, чем он отличается от эрзаца

Дома – наличием закона и порядка как следствием законной, то есть *правильной* трактовки событий, *правильной* в матрице юридического фрейма.

Матрица юридической логики такова: ценность приобретает рассуждение о событии не с позиции факта и логики умозаключения, а с позиции того, насколько необычно и ново это рассуждение. В этом, вероятнее всего, также кроется ощущение конца истории как науки об историческом факте, с которого мы начали. Исторический факт остается для географического пространства, а верная оценка происходящего – для образа пространства. Эти две реальности, как историческое событие захвата Трои и поэтическое, рассказанное Гомером, не могли и, что очень важно, не должны были пересекаться в сознании человека. И до тех пор, пока не предпринималась попытка переосмыслить эпос современного пространства, оно оставалось целостным и единым. «Убедительные знаки надежности» интерпретации события лежат в основе логики: кто громко сказал – того и услышали. Опять же, такая модель принятия информации легко укладывается в мифологизированное пространство *Общего дома*, когда, в общем-то, нет принципиальной разницы, как же все-таки что-то происходило. Как обывателю человеку не нужно мнение эксперта, ему нужна легенда, в которую не стыдно поверить. В результате реальность географического пространства, наполненного фактами, и реальность образа пространства, обросшего легендами массовой культуры, существуют как параллельные прямые.

Показательно, что мифологический образ пространства не изменился с момента начала специальной военной операции на Украине, поскольку у него и так не было географических границ. И то, что в этом *Доме* теперь нет какого-то государства, например России, для западного человека несколько не проблема. Западная «генеральная уборка» в *Доме* касается только закрепления общности смыслов демократии, а также законности и консолидации всего цивилизованного мира вокруг этих смыслов. Для российского человека, открывшего для себя возможности большого мира, это оказывается гораздо более серьезной проблемой. Мифологическое пространство единых смыслов приобретает для него ясные черты географических заборов, через которые ему теперь трудно перебраться в *Дом*, который почему-то для него становится вдруг чужим. Для человека, почувствовавшего свою бездомность, закрылись целые магистрали, в том числе туристические, информационные, профессиональные. И в этом смысле русский человек (имеющий финансы и/или отношение к творческим профессиям) потерял от разрушения образа *Общего дома* существенно больше, чем западный, который даже не заметил символических изменений. Западный человек с распадом образа единого пространства получил тяжелый опыт экономической гравитации географического пространства. В результате изменения сырьевых потоков западный человек больно ударился о свои материальные потребности, которые, как оказывается, основаны на сырье и промышленности, а не финансах.

Отголоски онтологического сомнения в единстве разрушают образ пространства *Общего дома* и становятся главной проблемой уходящей цивилизации. Выход географически большей части мира из единого *Дома* порождает комплекс недоверия к общим ценностям.

Осмысленность политического пространства *Общего дома* проходила в условиях демократического цензурирования. Мы все очень быстро приучились к политически корректным выражениям: «афроамериканцы», «в Украине», «низкая социальная ответственность», – чтобы соответствовать нормам общежития. Единое пространство *Общего дома* приходило к нейтральной неопределенности «милоливо повелеть соизволил», и только неформальные чаты в условиях своей неинтересности власти оставались еще на обочине цензорских фильтров. Политическое пространство было приемлемым полем для свободного продвижения нарративов, встроенных в общую игру в толерантность, оформленных юридической логикой. Эта игра была необходима и для политической власти, которую можно было процедить через демократическое сито. В едином пространстве, как в едином мире, не было и не могло быть легитимного государства или общества со своей особой позицией, как было показано выше. Россия, США, Великобритания – все были включены в общий смысловой нарратив толерантности. Принятие решения по монопольному праву на оценку истории, международного союза, экономической модели дорого обходилось всем жителям *Общего дома*.

Поляризация мира становится результатом «замыливания» глаз идеями мультикультурализма и равноправия. Современный мир никогда не был единым, и уже не будет. И в этом мире остается выстроить пограничную стену между своими и другими, принимающими юридическую логику и не принимающими, руководствующимися формальной логикой. Мир логично нелогичен потому, что на его объекты и процессы смотрят с двух сторон: со стороны обывателя *Общего дома*, гордящегося демократическими завоеваниями, и со стороны жителя иной части глобального мира, который критически настроен по отношению к этим достижениям. Наблюдается аксиоматический сбой на уровне логики, где *Общий дом* настаивает на универсальности юридических законов и логики, а остальной мир руководствуется здравым смыслом и собственными утилитарными интересами.

Путь совместного строительства цивилизации закончился, но не завершилась сама глобализация как стадия развития человечества. Современное человечество переходит в стадию своего очередного раскола, который ознаменовал не конкурентную борьбу между государствами, а борьбу между частным и общим в рамках политических систем. *Общий дом* как социальный проект продержался недолго, но стал значимой вехой. Вообще в истории человечества масштабных социальных проектов было достаточно, и это связано с природой человека, который всегда ищет место и время для экспериментальной площадки. Предпоследним таким проектом, ушедшим в историю, был СССР. Но с его уходом еще сохранялись сублимированные формы противодействия ему в лице либерально-демократических конвенций *Общего дома*. Эти формы воплотились в громоздкие политические и социальные объединения, которые стали значительно больше, чем были, но и они уходят вместе с задержавшимися смыслами XX в. За границами разрушающегося *Общего дома* в глобальном мире рождается единое аксиоматическое пространство, основой которого является традиционализм: религиозный, сексуальный, гендерный и т. д., где у каждого субъекта есть собственные интересы, цели и задачи. Важно понимать: как бы ни развивалась дальше человеческая цивилизация, это все равно будет развитием, и жизнь будет продолжаться.

Литература

Алтунян А. Обсуждать карикатуры, высмеивающие чужих пророков – не лучший способ [Электронный ресурс] : Московский комсомолец. 2020. 28 октября. URL: <https://www.mk.ru/social/2020/10/28/obsuzhdan-karikatury-vysmeivayushhie-chuzhikh-prorokov-ne-luchshiy-sposob.html?ysclid=lcbfdy5axb967965806> (дата обращения: 14.03.2023).

Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М. : Весь мир, 2004.

Бисенич Д. Россия окончательно распрощалась с Европой [Электронный ресурс] : ИноСМИ. 2022. 13 декабря. URL: <https://inosmi.ru/20221213/kontsepsiya-258813901.html> (дата обращения: 14.03.2023).

Блок Е. ЕС и Норвегия конфликтуют из-за рыбы возле Шпицбергена [Электронный ресурс] : Об этом не говорят. 2022. 8 сентября. URL: <https://obedomnegovoryat.ru/es-i-norvegiya-konfliktuyut-iz-za-ryby-vozleshpiczbergena/?ysclid=lbu9tdsi61607610963> (дата обращения: 14.03.2023).

Бодрийяр Ж. Америка. М. : Владимир Даль, 2000.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000.

Боррель извинился за слова о «джунглях» вокруг Европы [Электронный ресурс] : РБК. 2022. 19 октября. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/10/2022/634f649b9a7947637e77a16d?ysclid=lbogcwbwe190813596> (дата обращения: 14.03.2023).

Боррель сравнил окружающий Европу мир с джунглями [Электронный ресурс] : РИА Новости. 2022. 13 октября. URL: <https://ria.ru/20221013/evgora-1823673165.html?ysclid=lbogscwkyr431382510> (дата обращения: 14.03.2023).

Брюкнер П. Тирания покаяния: эссе о западном мазохизме. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2009.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М. : Логос, 2004.

Гидденс Э. Непokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М. : Дело, 2015.

Говорухин Г. Э., Ким В. В. Ретроспектива гибели современного капиталистического мира: взгляд из кабинета // Свободная мысль. 2022. № 6. С. 85–102.

Денисов В. В. Единство мира и современные реалии // Философия и общество. 1997. № 6. С. 106–124.

Законна ли самооборона в Европе? [Электронный ресурс] : Quora. URL: <https://www.quora.com/Is-self-defense-legal-in-Europe> (дата обращения: 14.03.2023).

Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М. : Знак, 2006.

Карпов Г. «Шарли Эбдо»: взгляд из Африки // Азия и Африка сегодня. 2015. № 6. С. 47–51.

Кудряшова И. В. Фундаментализм и «фундаментализмы» // Политическая наука. 2013. № 4. С. 92–105.

Левчук К. В ЕС вступили в силу новые квоты на импорт стали [Электронный ресурс] : GMK Center. 2020. 1 июля. URL: <https://gmk.center/news/v-es-vstupil-v-silunovuy-mehanizm-dejstviya-kvot-na-import-stali/> (дата обращения: 14.03.2023).

Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Дж. А. Холлом. М. : Изд. дом ВШЭ, 2014.

Сергеев В. М. Демократия как переговорный процесс. 2022 [Электронный ресурс]. URL: http://www.democracy.ru/curious/democracy/book_sergeev/ (дата обращения: 14.03.2023).

США и Европа на грани экономической войны. ЕС обещает США ответные меры [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/2702735102621800030> (дата обращения: 14.03.2023).

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, 2015.

Яхьяев М. Я. Глобализм и глобализация в современном мире // Вестник Дагестанского государственного университета. 2005. Вып. 2. С. 120–124.